Артистъ Моск. Худ. театра А. Л. ВИШНЕВСКІЙ.

Какъ начинался Московскій Художественный театръ.

(Изъ воспоминаній).

I.

...Я былъ въ поѣздкѣ съ артисткой императорскаго театра, Г. Н. Федотовой. Мы объѣздали всѣ города Россіи, побывали и въ Сибири. Я много разъ игралъ, имѣлъ успѣхъ, обо мнѣ писали, но я не увлекался похвалами и испытывалъ какую-то неудовлетворенность. Я часто говорилъ объ этомъ съ Г. Н. Федотовой. Мнѣ казалось, что надо работать иначе, что то, что мы дѣлаемъ, это не настоящая работа. Особенно мучила меня скоропалительность, съ какой приходилось ставить спектакль и разучивать роли. Играя съ Федотовой, я по мѣрѣ возможности старался самъ слѣдить за собой и исправлять свои недостатки. Но отдѣлку роли никогда не удавалось доводить до конца. Мнѣ хотѣлось медленной, систематической, спокойной работы. Я мечталъ о режиссерѣ, который помогъ бы мнѣ, показалъ, научилъ.

Счастливая случайность осуществила мои желанія. Въ Москвѣ я посѣщалъ кое-какіе спектакли «Общества искусства и литературы», видѣлъ изумительную работу К. С. Станиславскаго съ актерами и тогда уже понялъ, что это именно тотъ режиссеръ, въ которомъ мнѣ нуженъ. Потомъ я услышалъ, что Станиславскій и Влад. Ив. Немировичъ-Данченко антаваютъ свой театръ. И мнѣ думалось: вотъ бы попасть къ нимъ!

Лѣтомъ 1898 года я былъ съ Г. Н. Федотовой въ Екатеринославлѣ. Неожиданно пріѣзжаетъ туда Влад. Ивав. Немировичъ-Данченко — спеціально съ цѣлью меня смотрѣть. Въ Пушкинѣ шла тогда репетиція «Царя Федора Іоанновича». На роль Бориса Годунова испробовали нѣсколькихъ исполнителей, но съ ними что-то не ладилось. Рѣшили обратиться ко мнѣ.

— Принципіально вы согласны? — спросилъ Немировичъ.

— Да, я согласился бы, лишь въ виду перспективы, которыя вы рисуете, — отвѣчалъ я.

— Ну, а какъ же, вѣдь жаловаль-то у васъ небольшое?

Но о жалованьи я мало безпокоился. Меня привлекало то, что сказалъ мнѣ Немировичъ-Данченко. Я не награжденъ пьесой А. Тол стого, только что освобожденной, благодаря хлопотамъ Вл. Ив. Немировича-Данченко и А. С. Суворина, отъ запрещенія, наложенъ цензурнаго запрета (Суворинъ хлопоталъ о ея постановкѣ для своего театра въ Петербургѣ). Конечно, для меня было въ высшей степени соблазнительно выступить въ совершенно новой, никѣмъ еще неисполненной роли Бориса, да еще служить въ Москвѣ, въ культурной обстановкѣ. Въ конецъ концовъ и заинтелъ Владиміръ Ивановичъ:

— Хорошо, пойду къ вамъ, если вы сообщите мнѣ окончательное рѣшеніе за мѣсяцъ до начала сезона, чтобы мнѣ быть чистымъ передъ моимъ антрепренеромъ.

Черезъ пришла телеграмма за подписью Станиславскаго и Немировича: «Мы васъ очень просимъ отказаться отъ Нижняго и поступить къ намъ».

Жалованья мнѣ было назначено только 150 рублей въ мѣсяцъ, но я это по бюджету театра считалось много, такъ какъ другіе — Книпперъ, Москвинъ, Мейерхольдъ — получали только по 75 рублей. Нижегородскому антрепренеру была уплачена неустойка, — и 15-го іюля 1898 г. я пріѣхалъ въ Пушкино, имѣніе Н. И. Архипова, гдѣ шли репетиціи «Царя Федора. Роль Федора была поручена Москвину, а роль Бориса — мнѣ.

II.

Необходимо сдѣлать небольшое отступленіе, чтобы разсказать о томъ, что мнѣ извѣстно изъ безпечатныхъ бесѣдъ съ К. С. Станиславскимъ и В. И. Немировичемъ-Данченко о началѣ Художественнаго театра.

22-го іюня 1897 года, — за годъ до моего пріѣзда въ Пушкино, — въ кабинетѣ московскаго ресторана «Славянскій Базаръ» сидѣли двое: пятый — Константинъ Сергѣевичъ Алексѣевъ, по сценѣ Станиславскій, одинъ изъ вдохновителей «Общества искусства и литературы»; второй — извѣстный драматургъ Владиміръ Ивановичъ Немировичъ-Данченко, преподаватель драматическаго курса московскаго Филармоническаго училищія пьесы на Малой театрѣ.

Разговоръ, занявшій 18 часовъ, шелъ о томъ:

Въ двухъ встрѣтившихся однимъ господъ по имѣ режиссерамъ, другой — по имѣ режиссеръ, другой — по имѣ режиссеръ, другой — по имѣ режиссеръ